

И ДРУГОЕ, ДРУГОЕ, ДРУГОЕ...

*Людмила Гаркавая. Другие девушки девяностых.
М. 2025, 527 стр.*

Прежде всего стоит сказать об авторе этого объемистого сборника повестей и рассказов — и многое станет ясно. Людмила родом из соседнего Кузбасса, все детство провела на Алтае, здесь же окончила музыкальное училище, много лет работала преподавателем в музыкальных школах, жила в разных местах Союза, а 1990-е, попавшие в заголовок ее сборника, провела как раз в Барнауле. Где быстро стала центром притяжения для многих литераторов, в том числе и молодых (включая меня, носившего в то время такой, не слишком почетный, но зато и временный статус). Своим учителем она считает знаменитого алтайского прозаика Евгения Гущина, благосклонно отзывавшегося о ее опытах. Потом она уехала в Москву, а совсем недавно снова вернулась на Алтай, живет теперь в родном Малиновом Озере. В Барнауле Гаркавая выпустила лишь одну книгу прозы, правда, было довольно много публикаций в тогдашнем «Алтае».

---

¹ Михаил Вячеславович Гундарин родился в 1968 году в г. Дзержинске Горьковской области. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, после этого около 30 лет жил в Барнауле. Сейчас живет в Москве. Пишет стихи, прозу, занимается литературной критикой. В 2022 г. написанная им в соавторстве с Евгением Поповым биография Фазила Искандера (фрагмент публиковался в «Алтае») вошла в Лонг-листы премий «Большая книга» и «Ясная Поляна». В «Алтае» печатается с 1989 года.

Рецензируемый том — первое издание после долгого перерыва и первое обширное собрание ее прозы.

Для чего такое длинное предисловие, если есть текст книги? Я считаю, социальный опыт автора очень важен. Не в том дело, чтобы он писал то, о чем знает на собственном примере. А в том, чтобы он отвечал за свои слова своей биографией. Не обязательно, конечно, но как-то по-читательски хочется этого.

Людмила, конечно, за свои слова отвечает. Тяжелые времена, «святые 90-е», для нее не просто время тотальной бедности и социальной депрессии. Мы видим глубокое, многогранное исследование человеческих судеб в условиях социального и нравственного перелома гигантского масштаба.

Героини Гаркавой — это не гламурные «девушки девяностых» с глянцевых обложек (их тоже хватало). Ей интересны те, кто остался за кадром: учительницы, уборщицы, одинокие мечтательницы, женщины, пытающиеся сохранить достоинство и профессионализм в условиях, когда сама жизнь становится испытанием на прочность. Сквозь частные истории проступает коллективный портрет поколения, которое не просто выживало, но и пыталось сохранить себя — вопреки всему.

К эпохе мы еще вернемся, а пока заметим: героини Гаркавой не идеальны, но узнаваемы и человечны. Их внутренний мир прописан с большой психологической точностью и даже изяществом, с использованием точных и тонких деталей. Проза автора плотная, образная, иногда почти поэтическая. Здесь умело сочетаются ирония и лиризм, трагизм и надежда.

Несмотря на разнообразие сюжетов (линейных и нелинейных, как правило, закрученных очень умелой, сильной рукой), все тексты объединены темой ответственности — за свою жизнь, за других, за профессию, за страну. Чрезвычайно редкими эти качества были тогда — явно недостаточно их и сегодня, и героини Людмилы тут поистине уникальны, они могут быть примером для каждого.

Думаю, многим авторская манера может показаться излишне детализированной (особенно тем, кто не застал предметный мир 1990-х). Некоторые истории — избыточно драматичными.

Однако не шаблонно-мелодраматичными, и это способно смутить современного читателя, привыкшего как раз к шаблонам.

Но вернемся к девяностым, которые, повторю, здесь не просто фон, но воплощение и символ жизненных испытаний, которые вдруг сгустились, сконцентрировались и обрушились на героев. Выдержат ли?

Начнем с того, что символизм — символизмом, но автор мастерски вплетает абсолютно реальные, узнаваемые приметы времени в судьбы героев, делая их неотъемлемой частью психологического и социального портрета поколения.

Вот только некоторые из этих примет.

В рассказе «Буриме» пенсионерки стоят в очереди за пенсией и обсуждают отмену перечисления пособия на сберкнижку. Как забыть ту гиперинфляцию, обесценивание сбережений и переход к натуральным формам выживания?

Героини носят с собой термос с драниками, тушеную свеклу — еда становится валютой и символом самостоятельного выживания. Ибо вокруг пустые полки, санитарные дни, шашлычные палатки... знаки развала системы общепита и появления нового частного предпринимательства, малодоступного для большинства.

Жилось всем по-разному. В «Собачем супе» директриса пьет коньяк с колбасой, а героиня варит суп на неделю. В «Чужих горах» бандиты в ресторане противопоставлены обычным людям. Кстати сказать, часты упоминания о «зоне», бандитских разборках («Чужие горы»), спившихся родственниках, украденных пододеяльниках в интернате («Две розы») — бытовая криминализация становится нормой. При этом учителя получают копейки («Святочная роза»), милиция беспомощна или коррумпирована, врачи не могут помочь («Похмелье»).

Но страшнее даже другое — инфляция символов, убеждений и веры. В «Звёздном часе» ребенок поет «Интернационал» как абсурдный символ ушедшей эпохи, а старшее поколение боится крестить детей из-за возможных проблем с карьерой. И героини ищут любовь, дружбу, творчество уж точно не потому, что они такие возвышенные — для них это способ убежать от реальности. Музыка, стихи и даже буриме, салонная забава — все это

формы духовного сопротивления хаосу. Попытка выхода из ловушек, в которых часто оказываются героини Гаркавой, будь то общежитие, работа, отношения или собственные страхи. Недаром действие происходит в типичных постсоветских пространствах, мы проходим обшарпанные подъезды, автовокзалы, рынки, пустые институтские коридоры.

Вообще, — попадаем в «чужие» города и горы, на себе ощущаем метафору потерянности, невозможности найти свое место (когда экзистенциальные проблемы, типичные для «женской» прозы, накладываются и усиливаются проблемами социального распада).

Но, конечно, вещи Гаркавой также мало похожи на постперестроечную «чернуху», как и на дамские жеманные романы. Перед нами добротная экзистенциальная проза (редкая птица сегодня), которая в основу ставит личный выбор, личную способность принять решение, взять на себя ответственность. Героини Людмилы при всей их кажущейся незначительности, при всей внешней катастрофе (когда рушатся все опоры — экономические, социальные, моральные), способны принимать решения и совершать поступки. В этом смысле они действительно «другие», отличающиеся от большинства (очень щедро представленного и здесь, особенно, конечно, в мужских ипостасях).

Вот эта стойкость действительно волнует в прозе Гаркавой и производит сильное впечатление. Да только такое ведь и нужно и людям, и стране — что в девяностые, что сейчас.

Нужно, считаю, в том числе и читателям, и издателям.